

В ту ночь Сюаньцзи собрала кое-какую одежду, готовясь на следующее утро отправиться в пещеру Инея.

Вытирая ей слезы, Хэ Даньпин упаковала для нее вкусную еду и сказала: «Отныне тебе придется усердно практиковаться... Не сердись больше своего отца. Не бойся, мама придет за тобой раньше, чем ты думаешь».

Сюаньцзи угрюмо кивнула в знак согласия.

Линлун ловко скрутила распущенные волосы в пучок и по-детски сказала: «Не бойся, Сюаньцзи. Я приду навестить тебя в пещере через два дня! Дождись меня! Я позабочусь о тебе».

Хэ Даньпин, которая украдкой вытирала слезы, рассмеялась над ее словами и тихо сказала: «Глупое дитя, как кто-то может просто пойти в пещеру Инея? Сюаньцзи, пожалуйста, не вини своего отца за безжалостность. Пещера Инея - это место, созданное мастерами предков для тренировки их силы воли, и оно специально подготовлено для учеников, которые плохо умеют концентрироваться. Твой отец посылает тебя туда для твоего же блага. Как дочь главы школы, если ты не можешь почтить его, то, по крайней мере, не позорь. То, что произошло сегодня на арене боевых искусств, не должно больше повториться, понимаешь?»

Не дожидаясь, пока Сюаньцзи что-нибудь скажет, Линлун выпалила: «Отец! Его волнует только то, как сохранить лицо! Он даже не огорчается за мою сестру, которая явно слаба здоровьем и физически не способна заниматься кунг-фу!»

Хэ Даньпин нахмурилась и сказала: «Линлун, не заговаривайся! Дела отца тебя не касаются».

Линлун надулась и отошла в сторону, тихо ворча.

Хэ Даньпин взяла Сюаньцзи за руку и сказала: «В пещере холодно и сыро, так что не забудь положить побольше одежды. Твой шестой брат будет приносить тебе еду каждый день. Если ты заболеешь, ты должна сказать ему, чтобы мы могли вернуть тебя», - сердце матери не могло не тревожиться, поэтому она продолжала бессвязно объяснять своему ребенку разные мелочи.

Только когда несколько учеников пришли объявить время ужина, она замолчала, вздохнула и коснулась головы Сюаньцзи.

- Госпожа, глава сказал, что сегодня он обедает на пике Сяоян и по дороге обсудит с мастером У Яном и остальными предстоящий в следующем месяце турнир Шпильки, так что сегодня он не вернется, - сказал ученик за дверью, и судя по голосу это был шестой ученик Чжун Миньянь.

Когда Линлун услышала, что это он, она с улыбкой подняла занавеску и выбежала, сказав:

«Тогда маленький Шестеренка может поесть с нами сегодня».

Чжун Миньянь скорчил ей гримасу, но ничего не сказал. Хэ Даньпин вышла под руку с Сюаньцзи и засмеялась: «Дитя мое, брат Чжун на три года старше тебя! Как ты можешь называть его маленьким! Миньянь, поскольку твой старший брат и учитель сегодня не будут ужинать дома, собери своих старших братьев и сестер. Позовите всех поужинать здесь. Я уверена, что всем будет весело вместе».

Чжун Миньянь с улыбкой ответил: «Хорошо» и выпрямился. Он был самым молодым из всех учеников поколения Минь, за ним следовали Линлун и Сюань Кей. Он был красив, умен и мил, вот почему глава и его жена очень любили его, а Линлун нравилось его дразнить.

Когда он увидел Сюаньцзи, стоящую рядом с госпожой, бледную и без всякого выражения на ее маленьком, почти прозрачном лице, он почувствовал отвращение.

Он не любил Сюаньцзи, у которой всегда было пустое лицо, и она никогда не улыбалась, как деревянная кукла. Когда он приближался к ней, он не мог не чувствовать себя подавленным, и атмосфера казалась ледяной. Он был настолько красноречив от природы, что мог спокойно болтать с наставником, но он просто не мог рассуждать с Сюаньцзи. Она просто кивала снова и снова, можно было подумать, что она такая скромная и послушная, но, в конце концов, она просто разворачивалась и делала то, что хотела.

Чжун Миньянь считал, что она очень смышленная девушка, но двуличная, и никогда не разговаривал с ней по душам. Лучше быть похожей на Линлун, которая тоже была маленькой девочкой, но была хороша в бою на мечях, невинна и с ней было весело спорить. Иначе чем такой человек отличается от марионетки?

Он уже собирался позвать своих братьев и сестер к ужину, когда вдруг вспомнил о чем-то и снова повернулся, сказав: «Кстати, глава велел кое-что сказать сестре Сюаньцзи. Он сказал: «Не вздумай снова быть ленивой и дерзкой, займись самоанализом и потренируйся в пещере. В следующий раз, если ты все еще не выучишь технику Кулака Сюаньмин, даже не думай выйти оттуда».

Сюаньцзи только и оставалось тихо вымолвить: «Слушаюсь».

Чжун Миньянь хотел увидеть, как она плачет, но был разочарован и вынужден был уйти.

Слова Чжун Миньяня сделали атмосферу ужина чрезвычайно тяжелой. Глаза у Хэ Даньпин покраснели, и она, должно быть, снова втайне плакала. Даже у Линлун было горестное выражение лица, и она не сказала ни слова. Чжун Миньянь почувствовал сожаление, поэтому он тайком пнул второго старшего брата Чэнь Минцзюэ и попросил его рассказать анекдот, чтобы разрядить атмосферу.

До своего ученичества здесь Чэнь Минцзюэ был помощником рассказчика и с юности хорошо

рассказывал веселые истории. Когда он увидел, что никто больше не осмеливается заговорить, он откашлялся и загадочно сказал: «Эй, вы знаете, что в нашей школе скоро будет большое событие?»

Линлун, будучи самой умной, быстро разгадала его намерение и сказала: «Знаю! В следующем месяце состоится турнир Цветочной Шпильки!»

Чэнь Минцзюэ улыбнулся и потер подбородок, как будто поглаживая воображаемую бороду, и покачал головой: «Верно, но знаете ли вы, что является кульминацией турнира Шпильки?»

Линлун нахмурилась и немного подумала, прежде чем сказать: «Разве пять великих школ не посылают своих элитных учеников соревноваться друг с другом в боевых и бессмертных искусствах? Братья старшего поколения Минцзюэ еще недостаточно взрослые, чтобы участвовать в турнире, может быть, тебя выбрали?»

Но Чэнь Минцзюэ ничего не сказал, только покачал головой со зловещей, загадочной улыбкой на лице, и нетерпеливой Линлун захотелось схватить его за шиворот, заставив говорить.

Хэ Даныпин улыбнулась и сказала: «Твой старший брат - редкий талант, но ты еще недостаточно взрослая, чтобы участвовать в турнире Шпильки. Для участия в турнире вам должно быть восемнадцать лет. Не будь таким занудой, Минцзюэ, говори уже».

Чэнь Минцзюэ спросил: «Вы знаете, почему состязание называется турниром Цветочной Шпильки?»

Чжун Миньянь ответил: «Знаю. Победитель турнира получит цветок пиона, которым заколет его волосы сам господин Жун Гу из долины Дяньцзинь, отсюда и название турнира Шпильки».

Чэнь Минцзюэ рассмеялся и сказал: «Неправильно! Ты не можешь просто повесить его себе на голову после победы! Ведь иначе, не было бы проще, чтобы мастер Жун Гу вручил цветок победителю турнира Цветочной Шпильки? Этот цветок относится не только к цветку пиона, но и к последнему вызову, с которым чемпион столкнется после победы в соревновании».

Они впервые услышали об этом так называемом последнем вызове и не могли сдержать любопытства. Даже Сюаньцзи уставилась на Чэнь Минцзюэ широко раскрытыми глазами. У Хэ Даныпин, конечно, было четкое представление о том, что должно произойти, поэтому она просто улыбалась и ничего не говорила, позволяя детям развлекаться.

Чэнь Минцзюэ разжег всеобщее любопытство, а затем сказал: «Так называемый последний вызов заключается в том, чтобы победитель турнира сразился с великим демоном! Конечно, этот демон был заранее пойман старшими и потерял большую часть своей жизненной силы, иначе как у обычных учеников появился шанс подчинить его, независимо от того, насколько они сильны? Однако не стоит недооценивать силу раненого демона. Несмотря на то, что он тяжело ранен и имеет только одну пятую своей силы, немногие молодые ученики могут

победить его самостоятельно. Если нет, зачем так пафосно проводить турнир Цветочной Шпильки, если его можно выиграть, просто соревнуясь друг с другом? С начала этого состязания не более десяти человек смогли получить шпильку с цветком пиона. Значит, все не так просто, как ты думаешь!»

Все вздохнули, понимая, что турнир Цветочной Шпильки действительно должен оказаться захватывающим. Линлун была настолько впечатлена, что продолжала спрашивать: «Ты знаешь, какой демон будет на этом турнире?»

- Точно не знаю, но я слышал, что некоторые тянгоу [1] причиняют неприятности на горе Лутай, мешая людям спокойно жить. Думаю, они могут использовать одного из них.

[1] небесный пёс (мифическое животное вроде белоголовой лисы).

Линлун очень заинтересовалась этой историей и попросила Минцзюэ рассказать ей больше, но он горько вздохнул: «Сестренка, я не знаю! Почему бы тебе не спросить тетушку, она должна знать больше о турнире Цветочной Шпильки».

Хэ Даньпин кивнула: «Минцзюэ прав. Если вы не сможете победить этого демона, вы не получите шпильку с цветком. Ваш глава в молодости тоже участвовал в турнире Цветочной Шпильки. Он был самым молодым, но настолько талантливым, что почти победил. В конце концов, он оказался в невыгодном положении из-за силы демона и чуть не умер. У него до сих пор на теле есть длинный шрам из-за того случая!»

- С каким демоном сражался папа? Он получил шпильку?

- Это был очень известный демон Фэй И. Он бродил по северо-западным землям уже три года, и там совсем перестал идти дождь. Наконец, твой дед и старейшины других школ объединились, чтобы подчинить его себе, и он был использован в качестве грандиозного испытания в финале турнира Цветочной Шпильки. Твой отец боролся с ним два дня и две ночи, прежде чем, наконец, победил, и когда он вышел, его тело было настолько обезвожено, что он чуть не умер. Тогда я...

Внезапно она замолчала, и легкий румянец залил ее лицо. Как она могла сказать что-то подобное младшим? Когда она впервые увидела его после турнира, то в отчаянии бросилась к нему и обняла, не переставая плакать. Однако он достал цветок пиона, который был получен с таким трудом, и заколол им ее волосы, улыбнулся и сказал: «Я давно хотел это сказать... Ароматные цветы хорошо сочетаются с красивыми женщинами. Сейчас... Наконец-то я нашел цветок, достойный тебя».

Увы, сладкие воспоминания о прошлом со временем поблекли. Только в ее сердце эти драгоценные воспоминания все еще были живы, как будто всё случилось лишь вчера.

После ужина они еще немного поболтали, успокоили Сюаньцзи и ушли отдыхать.

Хэ Даньпин не знала, сколько слез она пролила, и сколько слов напутствия произнесла, держа на руках дочь. Она знала только, что ненавидит эту ночь, которая казалась такой короткой, и постепенно светлеющее небо.

Когда Сюаньцзи открыла дверь с небольшим свертком в руке, она увидела нескольких учеников зала Повиновения и мастера Яна, стоящих в дверях. Все они были аккуратно одеты в мантии с красной отделкой на белом фоне, и когда они увидели Хэ Даньпин, они почтительно сложили ладони вместе, сказав: «Приветствуем вас, госпожа. Глава приказал нам сопровождать младшую сестру Сюаньцзи в пещеру Инея».

Зал Повиновения несет ответственность за наказание учеников, нарушивших правила, и тот факт, что Се Лэй позволил им прийти к Сюаньцзи, показывал, что он бескорыстен. Хэ Даньпин не могла удержаться от слез и попросила дать ей возможность сказать дочери несколько последних слов, а затем отошла в сторону вместе с Линлун. Она в слезах наблюдала, как они связали Сюаньцзи золотой веревкой и усадили в черный нефритовый паланкин. Четверо учеников встали по его бокам, и он поплыл в воздухе.

- Сюаньцзи, не бойся! Мама скоро приедет за тобой! - Хэ Даньпин энергично помахала ей.

Сюаньцзи побледнела, когда выглянула из-за паланкина, но, к счастью, не выглядела ни грустной, ни испуганной. Когда она увидела, что ее мать и сестра плачут, ее сердце было озадачено, но и немного опечалено, поэтому она громко сказала: «Мама, сестра! Не беспокойтесь обо мне!»

Как только она это сказала, черный нефритовый паланкин взмыл в небо и мгновенно превратился в черную точку, которую невозможно было разглядеть.

Сюаньцзи только слышала о пещере Инея, но никогда там не была, поэтому не считала наказание ужасным. Напротив, она чувствовала себя счастливой, потому что, несмотря ни на что, лучше быть запертой, чем избитой. Она не хотела, чтобы отец дал ей пощечину, это было бы ужасно.

Мама собрала для нее две сумки, одну с одеждой, другую с сушеной едой, и карманы на рукавах и спереди платья так же были полны всякой всячины. Линлун даже подсунула ей несколько маленьких игрушек, чтобы развеять скуку. К несчастью, связанная, она не могла взглянуть на них поближе.

Говорили, что пещера Инея находится на пике Солнца, который является самым красивым местом на горе Шаоян. Пик Солнца - самая короткая вершина горы Шаоян. Странно, что здесь не так много деревьев, но именно здесь водится больше всего диких зверей. Пещера Инея - самая глубокая и большая пещера на ее поверхности.

Черный нефритовый паланкин вскоре принес ее ко входу в пещеру Инея. Сюаньцзи высунула голову из паланкина и увидела ровную землю, окруженную соснами и кипарисами, но, как ни странно, земля в трех футах перед пещерой Инея была лишена какой-либо растительности и

была темно-красной, как засохшая кровь.

Один из учеников развязал ее, другой взял две ее сумки, а третий вытащил ее из паланкина и сказал: «Сестра Сюаньцзи, мы должны отвести тебя в пещеру».

Она послушно кивнула, но не спросила, почему они хотят сопровождать ее в пещеру. Неужели они боялись, что она убежит?..

Кто знал, что, войдя в пещеру, там окажется таинственная железная дверь высотой в десять футов. Замок на двери был толще ее бедра. Неважно, хотите ли вы войти или выйти, ничего нельзя было сделать без ключа. Пещера была на самом деле темницей, и давать ей такое поэтическое название было пустой тратой времени.

Когда железная дверь была открыта, и они сделали несколько шагов внутрь, свет уже потускнел, и дальше пяти шагов едва можно было разглядеть лицо человека. Оглядевшись, Сюаньцзи увидела мох по всей стене пещеры и порадовалась, что там нет летучих мышей. Возможно, кто-то регулярно избавлялся от них, подумала она.

Пройдя немного дальше, она вдруг услышала шум воды где-то впереди и решила, что здесь есть подземный источник.

Сюаньцзи и представить себе не могла, что в пещере Инея будет так много вещей. Мало того, что вход в пещеру был заперт железными воротами, ей даже пришлось совершить короткую прогулку на лодке после входа в пещеру, прежде чем она достигла пункта назначения. В этот момент она уже ничего не видела, поэтому закрыла глаза руками и попыталась взглянуть в них.

Один из учеников ударил по кремню и зажег факелы. Тогда они смогли увидеть, что здесь была построена грубая каменная хижина с каменной кроватью, столом и стульями, сделанными из примитивного зеленого камня. Так называемая кровать представляла собой не что иное, как плоский кусок камня со слоем сырой соломы и без одеяла.

Четверо учеников оставили ей немного кремня и несколько свечей и сказали: «Сестра Сюаньцзи останется здесь медитировать. Нам придется уйти первыми».

Когда они увидели ее ошеломленный и потерянный взгляд, они не могли этого вынести, поэтому они оставили ей факел и сказали: «Сестра, держись! Мы надеемся, что ты скоро достигнешь просветления».

После того как они ушли, в пещере снова воцарилась тишина, вернее, мертвая тишина.

Сюаньцзи никогда еще не бывала в такой тихой и пугающей обстановке. Казалось, что спустя долгое время звук ее сердцебиения превратился в гром, и она даже могла слышать, как бежит

кровь по ее венам и артериям.

Она так испугалась, что повернулась, вошла в каменный дом и дотронулась до соломы на кровати. Как и ожидалось, солома была мокрой, и она не знала, как долго она там пролежала. Она попыталась устроиться на ней, но лежать на камне было тяжело и неудобно.

Она не страдала от мук с тех пор, как была ребенком, и окружающая среда была настолько другой теперь, что она, наконец, почувствовала себя обиженной и хотела заплакать, но другая мысль поразила ее. Она была здесь одна. Даже захлебнись она слезами, это не имело бы значения. Поэтому она должна была собраться с духом и оставаться спокойной. Она не знала, когда матушка придет за ней, но ей совсем не хотелось оставаться здесь.

Она не знала, сколько времени это заняло, но она заснула в своей каменной постели, видя много странных снов. Отец собирался избить ее, а мать защищала. Затем, откуда ни возьмись, к ней подбежал Чжун Миньянь, посмотрел на нее с безразличным выражением лица и сказал: «Ты это заслужила!» Внезапно он стал старшим братом Ду Миньсином, потрепал по голове и пообещал замолвить за нее словечко.

Она просила его заставить отца выпустить ее из пещеры, как вдруг Линлун вылила ведро воды ей в лицо и закричала: «Ты опять гредишь!»

Она проснулась с дрожью и внезапным ощущением того, что воцарилась темнота. Ей потребовалось много времени, чтобы понять, что факел догорел. Сырость соломы под ее телом просачивалась сквозь одежду. Ее маленькое тело не могло унять дрожь, поэтому она поспешно принялась искать, что бы надеть.

Не было слышно ни звука, вообще ни звука. Страшная тишина и темнота были невыносимее смерти. Она свернулась клубочком на каменном ложе, но не могла унять дрожь. Она даже не могла сказать, что заставляло ее вздрагивать - холод или страх перед бесконечной тишиной.

Только спустя долгое время она вспомнила, что ученики зала Сятан оставили для нее свечи и кремь. Она долго шарила по камню и, наконец, нашла кремь, высекла искру и зажгла свечу. При свете она почувствовала себя немного увереннее и присела на кровать, уставившись на маленькое оранжевое пламя.

У нее было всего четыре свечи, и она не могла пользоваться ими постоянно, так что ей придется жить в темноте большую часть дня. По идее, она могла попросить Чжун Миньяня принести ей больше свечей, но этот парень никогда не любил ее и определенно не согласится. Так что лучше ничего не говорить, чем открыть рот и быть униженной.

Время в пещере словно застыло, совсем не двигаясь, и она понятия не имела, сколько времени прошло.

Делать было нечего, и хотя Сюаньцзи и раньше лодырничала целыми днями, но, оставшись в

полном одиночестве, не могла даже задремать. Поэтому ей пришлось вынуть игрушки, которые положила ей Линлун, но это были всего лишь рогатка, птица из глины и маленькая красная погремушка.

Что толку в этих вещах? Она была смущена.

У нее не было другого выбора, кроме как снова заснуть, но каменное ложе было таким холодным, что сна не была ни в одном глазу, и она продолжала дрожать от острого чувства одиночества.

Погремушка у нее на груди упала на каменную кровать и издала резкий звук. Она схватила ее в темноте и сжала в руке. Через некоторое время она осторожно повернула ее.

Дон-дон-дон, дон-дон-дон.

Маленькая погремушка издала громкий звук.

В таком тихом и темном месте это был единственный звук, который мог составить ей компанию.

Она продолжала ее крутить.

Дон-дон-дон, дон-дон, дон-дон.

Как будто она на шумном Новогоднем фестивале.

Старший брат бил в барабан куй-пэй красной шелковой палочкой, а Линлун прыгала позади нее, отбивая ритм на своем маленьком поясном барабане. В воздухе пахло мамиными сладкими лепешками из красной фасоли, и отец велел юным ученикам распаковать хорошее вино, которое целый год хранилось в погребе.

Ей нравились шумные сцены. Ей нравится чувствовать себя фоновым цветом в этой красочной сцене жизни, вместо того чтобы быть безжалостно удаленной, когда все забывали и игнорировали ее.

У Сюаньцзи было много случайных мыслей, и, наконец, она снова заснула, не в силах больше вспоминать эти будоражающие сердце моменты.